

**Моя шизофрения -
отражение ненависти**

Сергей Патрушев

Сергей Патрушев

**Моя шизофрения -
отражение ненависти**

«Автор»

2026

Патрушев С.

Моя шизофрения - отражение ненависти / С. Патрушев —
«Автор», 2026

Анна привыкла к тишине пустой квартиры, рутинной работе и отражению в зеркале, которое послушно повторяло каждое движение, но однажды вечером отражение моргает на секунду позже а затем пишет на запотевшем стекле её имя с ошибкой, которую она ненавидела всю жизнь. Существо из зазеркалья не просто двойник, оно знает о ней всё: каждый страх, стыдный секрет, каждую каплю ненависти к себе, скрытую за маской обыденности. Оно требует справедливости и предлагает обмен - жизнь по эту сторону стекла. Грань между реальностью и отражением истончается и вот уже непонятно, кто настоящий а кто лишь тень. Чтобы выжить, Анне придётся встретиться с тем, что она прятала глубже всего. Ей нужно будет сделать выбор, либо уничтожить часть своей души, либо слиться с тьмой, став чем-то новым.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Задержка	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сергей Патрушев

Моя шизофрения - отражение ненависти

Глава 1. Задержка

Тот вечер Анна запомнила с болезненной, фотографической точностью, какая свойственна моментам, навсегда разделяющим жизнь на «до» и «после». Она потом сотни раз прокручивала в голове каждую мелочь, каждую деталь, предшествовавшую происшествию, словно пытаясь найти в паутине обыденности крошечную трещину, через которую в её реальность просочилось нечто чуждое. Вспоминала липкую духоту, серым ватным одеялом накрывшую город, и то, как асфальт у подъезда дышал жаром, будто живое существо, несмотря на то, что солнце уже клонилось к закату. Вспоминала тягучую, бесконечную усталость, которая стала её постоянным спутником за последние месяцы. Но, сколько бы она ни анализировала, ничего необычного в том дне не было. День был самым заурядным из всех заурядных дней, и именно это пугало больше всего. Зло не ворвалось в её жизнь с грохотом и спецэффектами, оно просочилось сквозь поры привычного мира, как ядовитый газ без цвета и запаха.

В офисе стояла та особенная, предотпускная тишина августа, когда половина сотрудников разъехалась кто куда, а оставшиеся имитировали бурную деятельность, лениво перебрасываясь файлами по локальной сети и бесконечно зависая у кулера с водой. Кондиционер, старая сплит-система, служившая компании верой и правдой лет десять, окончательно испустил дух в понедельник, и теперь вентилятор гонял по кабинетам горячий воздух, смешанный с запахом нагретого пластика и офисной пыли. Анна провела за монитором почти восемь часов, и к вечеру перед глазамиплыли строчки договора, которые она вычитывала в третий раз. Буквы сливались в бессмысленные чёрные закорючки, а виски сдавливал знакомый тупой обруч — верный признак того, что она снова забыла пообедать. Она поймала себя на том, что уже минуту смотрит не в экран, а на собственное мутное отражение в погасшей кофемашине, и отражение это ей категорически не нравилось. Женщина тридцати четырёх лет, которая выглядит на все сорок. Кожа, потерявшая всякий намёк на летний загар, залёгшие в уголках губ горькие складки, которые раньше появлялись только при улыбке, а теперь прописались на лице навсегда. И глаза — пустые, уставшие глаза человека, который перестал ждать от жизни каких-либо сюрпризов.

Она отогнала эту мысль привычным усилием воли. Нечего разглядывать себя в кофемашинах, Анна Сергеевна, работа сама себя не сделает. Она ненавидела эту свою способность — заталкивать неприятные мысли в самый дальний ящик сознания и делать вид, что всё в порядке. Год назад, когда Дима, её муж, с которым они прожили семь лет, сказал, что подаёт на развод, она точно так же подавила первую вспышку паники и спокойным, почти будничным тоном спросила: «Ты уже нашёл себе кого-то или просто устал?». А потом, когда он ушёл, оставив в прихожей пустое место от его ботинок и сиротливую вешалку на плечиках, она методично перемыла всю квартиру, выбросила его забытую зубную щётку и легла спать ровно в одиннадцать, потому что завтра на работу. Слезы пришли только через три дня, когда она обнаружила в глубине кухонного шкафа начатую пачку его любимых макарон. Она рыдала над этими макаронами полчаса, сидя на холодном кафельном полу, а потом вытерла слёзы, выбросила пачку в мусорное ведро и снова пошла на работу. Жизнь продолжалась, даже если внутри что-то безвозвратно сломалось.

К семи часам вечера, когда офис окончательно опустел, а уборщица начала греметь ведрами в коридоре, Анна сдалась. Договор всё равно не шёл в голову, а перспектива провести ещё час в душном помещении вызвала физическое отвращение. Она выключила компьютер, побросала в сумку какие-то бумаги, которые собиралась изучить дома, но точно знала, что не изучит, и, устало кивнув охраннику на проходной, вышла в расплавленный августовский вечер. Город встретил её запахом нагретого асфальта, тополиного пуха и выхлопных газов. Этот запах она помнила с детства — запах конца лета, когда каникулы почти закончились, а новая школьная форма ещё висит в шкафу, пугающая своей новизной. Странно, но сейчас, в тридцать четыре года, она чувствовала то же самое смутное беспокойство, как будто вот-вот должно было начаться что-то неизбежное и не очень приятное, к чему она совершенно не готова.

По дороге домой она зашла в супермаркет — скорее по привычке, чем из реальной потребности, и долго стояла перед полкой с молочной продукцией, разглядывая творог и не понимая, хочет она его покупать или нет. Старушка с тележкой нетерпеливо кашлянула за спиной, и Анна, вздрогнув, схватила первую попавшуюся упаковку. Еда в последнее время превратилась для неё в сугубо утилитарный процесс — топливо для организма, не более. Она почти забыла, что когда-то любила готовить, любила долгие субботние завтраки с оладьями и свежесжатым соком, любила изобретать сложные блюда на ужин, когда они с Димой только поженились. Теперь её кулинарные подвиги ограничивались яичницей и макаронами с сыром, а холодильник сиротливо гудел, храня в себе одинокий лимон, засохший кусок пармезана и бутылку белого вина, открытую ещё в прошлые выходные.

Дом встретил её привычной тишиной пустой квартиры. Анна сбросила туфли у порога, не глядя попав пяткой в тапок, и на несколько секунд замерла в коридоре, прислонившись спиной к нагретой за день стене. Штукатурка всё ещё хранила тепло солнечного дня, и это тепло, казавшееся почти живым, на мгновение подарило ей иллюзию чьего-то присутствия. Закрыв глаза, она представила, что в соседней комнате кто-то есть — не конкретно Дима, а просто кто-то живой, кто ждёт её возвращения. Но тишина была слишком плотной, слишком абсолютной для того, чтобы в ней можно было прятаться от реальности. Эта тишина не была отсутствием звуков, она была отдельной сущностью, заполнявшей все углы квартиры, вязкой и всепроникающей. Она жила в пустых комнатах, в шкафу с одинокими плечиками, в безмолвном радио на кухне, которое Анна включала исключительно ради фонового шума, чтобы хоть как-то нарушить это всепоглощающее безмолвие. Иногда ей казалось, что тишина — это единственный собеседник, который у неё остался, собеседник молчаливый, но невероятно красноречивый. Он рассказывал ей о её одиночестве больше, чем она хотела бы знать.

Пройдя на кухню, она по привычке включила радио — первая попавшаяся волна, что-то новостное, а потом музыка, старая и знакомая, — и налила себе стакан воды из стеклянного графина, который неизменно стоял на столе. Вода была комнатной температуры, чуть отдавала хлоркой, но она выпила её залпом, чувствуя, как жидкость проталкивается сквозь пересохшее горло. Телефон, брошенный на столешницу, молчал — пара рабочих писем в корпоративной почте, уведомление от приложения банка, бессмысленный спам от интернет-магазина, который она когда-то имела неосторожность посетить. В мессенджерах — тишина. Последнее сообщение в чате с Димой было датировано прошлым месяцем и касалось оплаты какой-то забытой квитанции за свет. Она перечитала его с каким-то мазохистским чувством: «Ань, скинь скан квитанции, у меня в приложении не отображается». Даже в этом коротком сообщении она увидела всё ту же его привычную отстранённость, с которой он решал любые вопросы — быстро,

по делу, без единого лишнего слова. Он всегда так делал, даже когда они ещё жили вместе, и это бесило её больше, чем если бы он просто кричал. Крик — это эмоция, это участие, это равнодушие. А его сухое «принято» и «понял» убивали любую её попытку достучаться. Она положила телефон экраном вниз, не отвечая. Да и что отвечать на сообщение месячной давности?

В ванной пахло лавандой и затхлой сыростью. Анна давно собиралась починить вентиляцию, но, как и всё в её жизни в последнее время, это дело откладывалось на бесконечное «потом». Она стояла в списке насущных проблем где-то между визитом к стоматологу и генеральной уборкой на антресолях. Зеркало над раковиной, старое, в потрескавшейся по краям амальгаме, запотело от утреннего душа и теперь было покрыто плотным слоем конденсата, в котором расплывчато угадывался лишь силуэт. Анна включила воду, подождала, пока та станет тёплой, и несколько раз плеснула в лицо. Капли потекли по шее, по ключицам, скатываясь под воротник блузки. Это было освежающе, почти приятно. Она зажмурилась, наслаждаясь простым физическим ощущением, которое хоть ненадолго перебивало фоновую тревогу.

Открыв глаза, она машинально потянулась к зеркалу и широким движением ладони стёрла влажную плёнку. Стекло под пальцами было холодным — до ледяного холодным, и это был первый странный звоночек, на который она, погружённая в свою рутину, не обратила тогда ровным счётом никакого внимания. Откуда такой холод в ванной, где даже кафель на полу нагрелся от стоящей духоты? Но сознание уже услужливо подкинуло объяснение: старый дом, толстые стены, зеркало висит на наружной стене, граничащей с вентиляционной шахтой, вот и холод. Она и раньше замечала эту особенность, просто никогда не придавала значения. Человеческий мозг вообще устроен таким образом, что всегда стремится найти объяснение любой странности, вписать её в привычную картину мира, даже если для этого приходится слегка исказить реальность. Мы предпочитаем принять самое невероятное, но рациональное объяснение, лишь бы не признавать, что мир вокруг нас устроен сложнее и страшнее, чем мы привыкли думать.

В протёртой полосе, разрезавшей туманную поверхность, проступило её лицо. Анна несколько секунд изучала его с тем особым, безжалостным вниманием, какое свойственно нам, когда мы остаёмся наедине с зеркалом. Она отметила и тёмные круги, залёгшие под глазами, ставшие, кажется, ещё глубже за сегодняшний день, и сеточку мелких морщинок, разбегающихся от внешних уголков глаз — «гусиные лапки», которые косметологи советуют убирать ботоксом, а поэты прошлого называли бы лучиками, придающими лицу особую прелесть. Она не была ни поэтом, ни клиентом косметолога, поэтому просто констатировала факт: лицо уставшей женщины, которая слишком много работает и слишком мало отдыхает. Раньше, лет пять назад, эта мысль вызывала бы сожаление и желание срочно записаться на массаж или купить новый крем. Теперь же она вызывала лишь тупое, апатичное приятие. Ну да, уставшая. Ну да, стареющая. А кому какое дело? Кто вообще смотрит на неё? Коллеги на работе? Им всё равно, как она выглядит, лишь бы вовремя сдавала отчёты. Случайные прохожие на улице? Да они её и не замечают вовсе, погружённые в свои телефоны и свои проблемы. Вся её жизнь свелась к этому короткому, безжалостному диалогу с собственным отражением в запотевшем зеркале.

Именно в этот момент, когда она уже собиралась отвести взгляд, всё и произошло. Сначала она не поняла, что именно её насторожило. Просто какое-то смутное, неоформленное ощущение неправильности, словно в симфонии привычного мира одна скрипка внезапно взяла фальшивую ноту, настолько тихую, что услышать её можно было только краем сознания. Анна

замерла, не донеся руку до лица, и пристальнее вгляделась в отражение. Оно было абсолютно идентичным — та же блузка с расстёгнутой верхней пуговицей, та же влажная прядь волос, прилипшая ко лбу, тот же усталый, чуть прищуренный взгляд. И всё же что-то было не так. Она заставила себя моргнуть, причём нарочито медленно, словно проверяя реакцию своего двойника. Веки опустились и поднялись. А в зеркале — веки опустились и поднялись на какую-то ничтожную, почти неуловимую долю секунды позже.

Задержка. Крошечная, микроскопическая задержка, которую нормальный человек, скорее всего, списал бы на игру света, на усталость, на разыгравшееся воображение. Но Анна всегда была внимательна к деталям — это было её профессиональным качеством, тем, за что её ценили на работе. Она вычитывала договоры, вылавливая ошибки, которые пропускали все остальные. И сейчас её мозг, натренированный на поиск несоответствий, мгновенно зафиксировал аномалию. В реальности произошёл сбой. Синхронизация между ней и её отражением нарушилась.

Первой реакцией был, разумеется, страх. Ледяной, животный страх, который заставляет замирать мелких грызунов при виде тени хищной птицы. Он зародился где-то в самом низу живота и стремительно растёкся по телу, парализуя мышцы. Сердце пропустило удар и забилось где-то в горле, гулко, с переборами. Анна открыла рот, чтобы вдохнуть, но воздух будто застрял в трахее. В этот момент работал только самый древний, рептильный отдел мозга, тот, что отвечает за инстинкты. А инстинкты кричали: опасность, беги, замри, делай что угодно, но не стой на месте. Но она стояла. Стояла, потому что её высшие когнитивные функции, отвечающие за анализ и критическое мышление, судорожно пытались подыскать хоть какое-то разумное объяснение происходящему.

«Переутомление, — сказала она себе, и голос этот внутри головы звучал на удивление спокойно, словно диктор за кадром. — Это просто переутомление. Ты не спала нормально уже неделю, ты забыла пообедать, ты выпила слишком много кофе. У тебя зрительная галлюцинация на фоне истощения. Ничего сверхъестественного. Обычная физиология». Но даже произнося про себя эти слова, она чувствовала, насколько фальшиво они звучат. Потому что никакая усталость не могла объяснить то, что она видела сейчас. Иллюзии, галлюцинации, миражи — они хаотичны, они непредсказуемы, они порождаются нашим собственным мозгом и подчиняются его же законам. Они не могут демонстрировать осознанную, целенаправленную задержку реакции. Это не было похоже на сбой в её восприятии. Это было похоже на сбой в самом зеркале, как будто перед ней была не отражающая поверхность, а экран с плохой видеотрансляцией.

Она заставила себя улыбнуться. Это было сознательное действие, эксперимент, призванный либо подтвердить, либо опровергнуть её безумную догадку. Губы дрогнули, растягиваясь в кривоватую, неестественную улыбку, больше похожую на оскал загнанного зверя, чем на проявление радости. И отражение... отражение улыбнулось в ответ, но улыбка эта появилась на лице двойника всё с той же крошечной, убийственно убедительной задержкой. И, что было ещё хуже, сама улыбка была другой. Не просто копией её собственного оскала, а чем-то иным. В ней читалась не нервозность, не страх, не попытка убедить себя в реальности происходящего. В ней читалось спокойное, чуть ленивое, почти издевательское превосходство. Так улыбается человек, который знает что-то, чего не знаете вы, и это знание доставляет ему огромное, садистское удовольствие.

Анна отдернула руку от зеркала так резко, словно обожглась о раскалённую конфорку. Она сделала шаг назад, и её поясница упёрлась в холодный, эмалированный край старой чугунной ванны. Физическое ощущение препятствия немного отрезвило её, вернуло в реальность. Она чувствовала холод металла даже сквозь тонкую ткань блузки. В ванной ничего не изменилось — всё та же лаванда, всё та же сырость, всё тот же мерный шум воды, которую она забыла выключить. Но в этой привычной обстановке теперь ощущалось чьё-то чужое, незваное присутствие. Оно смотрело на неё из зеркала, и взгляд этот был физически ощутим, словно к затылку прикоснулись ледяными пальцами.

И тут существо, бывшее её отражением, медленно, очень медленно, словно наслаждаясь каждой секундой её ужаса, покачало головой. Сначала в одну сторону, затем в другую. Это не было похоже на произвольный тик или спазм мышц. Это был осознанный, исполненный мрачной значимости жест. Отрицание. Несогласие. Или, возможно, молчаливое предупреждение — «нет, тебе не показалось». Анна почувствовала, как реальность треснула по швам. Весь её рациональный мир, построенный на законах физики, на принципах причинно-следственных связей, на уверенности в том, что зеркала — это просто стекло с серебряной амальгамой, рухнул в одно мгновение. Потому что тому, что она видела, не могло быть рационального объяснения. Это не могло быть галлюцинацией, вызванной её собственным мозгом. Галлюцинация, какой бы яркой и пугающей она ни была, не могла бы породить этот жест — настолько чужой, настолько независимый, настолько наполненный собственной, отдельной от неё волей. У этого существа за стеклом была своя воля. И эта воля была направлена на неё.

В голове у Анны пронеслась целая вереница мыслей, быстрая и сумбурная, как лихорадочный бред. Инсульт? Да, это могло бы объяснить зрительные искажения. У неё где-то даже была статья о микроинсультах, которые люди переносят на ногах. Опухоль мозга? Возможно, давящая на зрительный нерв или височные доли, отвечающие за распознавание образов. Тётя Вера, её двоюродная бабушка, перед тем как попасть в психиатрическую клинику, разговаривала с отражениями в начищенных до блеска кастрюлях. Может, это наследственное? Может, у неё наконец-то проявился тот самый ген шизофрении, которого она подсознательно боялась всю жизнь, боялась так сильно, что старалась даже не думать об этом? Но даже эта, последняя мысль, самая страшная из всех возможных медицинских вердиктов, была предпочтительнее той единственной, которую она отказывалась формулировать даже про себя. Потому что принять мысль о том, что она сходит с ума, означало бы сохранить привычную картину мира — мир всё ещё существует по законам логики, просто у одного конкретного человека в этой картине сломалась антенна восприятия. А вот принять мысль о том, что она абсолютно здорова, а всё происходящее реально, означало бы расписаться в том, что привычная картина мира — ложь. И этот выбор — между личным безумием и глобальной ложью — был поистине чудовищным.

— Ты кто? — прошептала она одними губами. Воздуха в лёгких катастрофически не хватало, горло перехватило спазмом, поэтому слова вышли сиплыми, едва слышными. Но в этой гробовой тишине ванной они прозвучали как гром. Анна не ожидала ответа. Более того, она боялась его до дрожи в коленях. Но ещё сильнее она боялась оставаться в этом ужасающем, неопределённом неведении, где её собственное лицо смотрит на неё с чужим выражением.

Существо в зеркале не ответило голосом. Оно просто продолжало смотреть на неё, и в его взгляде, помимо пугающего спокойствия, появилось что-то новое. Изучающее, жадное любопытство. Так энтомолог, нашедший в амазонских джунглях неизвестный науке вид бабочки, смотрит на свою добычу, ещё не решив — наколоть ли её на булавку для коллекции или отпу-

стить, чтобы изучить поведение в естественной среде. В этом взгляде было узнавание. Не просто идентификация объекта, а глубокое, интимное знание. Это существо знало её. Зло не смотрит с холодным безразличием, подумала Анна внезапно. Зло всегда смотрит с узнаванием. Это была мысль, пришедшая из ниоткуда, из каких-то тёмных глубин подсознания, и она напугала её больше, чем всё остальное.

Двойник, не сводя с неё взгляда, медленно поднял руку. Это была левая рука — зеркально противоположная той, которой сама Анна касалась стекла минуту назад. Движения существа были плавными, текучими, лишёнными той механической скованности, которая свойственна отражениям. Оно действовало как самостоятельный, живой организм. Палец — обычный человеческий указательный палец с коротко остриженным ногтем, на котором ещё держались остатки облупившегося лака — коснулся запотевшей поверхности стекла со своей стороны. Касание было лёгким, почти нежным. А затем палец начал двигаться, выводя в конденсате буквы. Существо писало задом наперёд, так, чтобы текст читался снаружи, с той стороны, где стояла Анна.

Буквы проступали одна за другой, чёткие, с капельками влаги, скатывающимися вниз по стеклу.

«Ана».

Анна прочитала слово, и её сердце пропустило второй удар за этот бесконечный вечер. Она смотрела на своё собственное имя, написанное чужой рукой с чужой стороны зеркала, и чувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. «Ана» с одной буквой «н». Ошибка. Та самая ошибка, которая преследовала её всю жизнь, как проклятие, как клеймо, как вечное доказательство того, что мир никогда не видит её по-настоящему. Она всегда была на одну букву меньше, чем нужно, всегда чуть-чуть «недо».

Сколько она себя помнила, эта нелепая, крошечная орфографическая ошибка была её личной, тайной мукой, масштаб которой она сама осознавала как иррациональный и постыдный, но ничего не могла с собой поделать. Первый раз это случилось в детском саду, когда воспитательница подписала её рисунок на конкурс одной «н», и она, ещё не умевшая толком читать, расплакалась, чувствуя какую-то смутную неправильность в очертании букв. Потом школа. Первый диплом, победа в районной олимпиаде по литературе — её звёздный час, её минута славы, которую она ждала несколько лет. И вот, на сцене, под аплодисменты зала, ей вручают грамоту, где красивыми золотыми буквами выведено «Ана Сергеевна Соболева». Она тогда не заплакала, нет. Она вернулась домой, заперлась в комнате, достала чёрную ручку и вписала недостающую букву, а потом долго смотрела на эту кривую, уродливую самодельную «н», которая всё равно бросалась в глаза и кричала о подделке громче, чем если бы её вовсе не было. В институте её зачётная книжка, выданная на первом курсе, содержала ту же опечатку, и в деканате её заставили ждать перевыпуска два месяца, глядя на неё как на идиотку, поднявшую шум из-за ерунды. «Подумаешь, одна буква, — фыркнула секретарша. — Какая разница?». Она не понимала. Никто не понимал. Разница была колоссальной. «Анна» — это полное, звучное, наполненное внутренним достоинством имя, библейское, с историей. «Ана» — это огрызок, это пшик, это незаконченный вздох, человек, на которого не хватило материала.

И конечно, Дима. Её муж, который, казалось, знал её лучше всех. На их первую годовщину свадьбы он подарил ей серебряный браслет с выгравированным именем. Она разорвала упаковку с тем особым трепетом, который бывает только в начале семейной жизни, когда каж-

дый жест кажется наполненным глубоким символизмом. И увидела — «Ане». Он заказал гравировку в интернете и, конечно, не проверил результат. Или проверил, но не придавал значения. Он вообще никогда не придавал значения таким мелочам. «Это же просто буква, Ань, — сказал он, увидев её слёзы. — Ну хочешь, я закажу новый?». Но дело было не в браслете. Дело было в том, что человек, который спал с ней в одной постели, который, как ей казалось, должен был чувствовать её на каком-то молекулярном уровне, даже он не заметил разницы. Он любил «Ану» — удобную, функциональную версию, лишённую одной лишней буквы, которая делала её сложной, требовательной, настоящей.

И вот теперь это существо, носящее её лицо, пишет её имя именно так. Оно не просто знает эту деталь — оно знает, насколько эта деталь важна. Оно знает, что эта ошибка ранит её больше, чем любое оскорбление. И оно наносит этот удар намеренно, с хирургической точностью, с садистским наслаждением. В том, как были выведены буквы, в этом жирном, кривом овале заглавной «А», в этой слишком короткой, обрубленной перекладине «н» читалась откровенная, неприкрытая издевка. Это было послание, смысл которого был предельно ясен: «Я знаю, кто ты. Ты — недоделанная, неполная, ненастоящая. И я знаю, что ты сама это о себе знаешь». Это существо каким-то непостижимым образом проникло не просто в квартиру, а в самые потаённые уголки её сознания, в те комнаты её души, куда она сама боялась заходить, заглянуло под ковёр, под которым она десятилетиями замечала мусор своих комплексов, и вытащило на свет божий самое стыдное, самое болезненное.

По её щекам потекли слёзы — горячие, крупные, совершенно неконтролируемые. Она плакала молча, не всхлипывая, просто глядя остановившимися глазами на эту надпись, которая расплывалась перед ней из-за слёз. Она не позволяла себе такой слабости уже много лет. Даже когда Дима собирал вещи, молча, методично складывая свои рубашки в чемодан, она сидела на кухне и смотрела в одну точку сухими глазами. Даже на похоронах отца, стоя у края могилы, она не проронила ни слезинки, потому что нужно было поддерживать маму, нужно было организовывать поминки, нужно было быть сильной. А сейчас она стояла в собственной ванной и плакала, как ребёнок, перед лицом того, что не могло существовать, но существовало.

А существо за стеклом улыбалось. Это была та же спокойная, удовлетворённая улыбка, которой улыбается человек, добившийся именно той реакции, на которую он рассчитывал. Оно медленно, всё тем же плавным, текучим движением, провело раскрытой ладонью по надписи, стирая буквы. Влажные разводы на стекле сложились в бесформенный узор, а двойник в последний раз задержал на Анне долгий, многозначительный взгляд. В этом взгляде Анна прочитала обещание. Не угрозу в привычном смысле этого слова — существу не нужно было ей угрожать, его могущество было продемонстрировано и без слов. Это было именно обещание, как если бы между ними был подписан некий негласный контракт, условия которого ей только предстояло узнать. В нём читалось обещание вернуться, обещание продолжения, обещание того, что эта встреча — не последняя. Оно словно ставило многоточие в конце своего молчаливого послания, оставляя за собой право написать следующую главу тогда, когда сочтёт нужным.

А затем всё закончилось. Не постепенно, не с каким-либо звуком или визуальным эффектом, достойным второсортного фильма ужасов. Просто в одно мгновение зеркало снова стало зеркалом. Обыкновенное стекло, покрытое амальгамой, вставленное в пластиковую раму, купленное в строительном магазине. В нём отражалась она сама — заплаканная, насмерть перепуганная женщина с расширенными зрачками и трясущимися руками. Отражение моргало синхронно с ней. Отражение двигалось синхронно с ней. Оно снова стало предсказуемым, под-

контрольным, нормальным. Анна подняла руку и осторожно, кончиками пальцев, дотронулась до того места, где только что были начертаны буквы. Под пальцами было холодное, влажное стекло. Никаких следов. Она отдернула руку и машинально взглянула на подушечки пальцев — не осталось ли на них чего-то, какой-то субстанции из того, запредельного мира? Но пальцы были чистыми. Только вода.

Она попятилась к двери, не в силах повернуться к зеркалу спиной. Это был древний, атавистический страх, доставшийся нам от далёких предков, которые знали, что от опасности нельзя отворачиваться. Хищник всегда нападает со спины. Она нащупала за спиной ручку двери, повернула её и буквально вывалилась в коридор, с грохотом захлопнув за собой дверь ванной. В коридоре было темно — уходя на работу утром, она, кажется, выключила свет в попытках. Теперь эта темнота не была просто отсутствием света, она была живым, дышащим организмом, полным невидимых глаз и неслышных шорохов. Анна судорожно нащарила выключатель на стене и зажгла свет. Жёлтая лампочка под потолком залила прихожую тусклым, но таким спасительным светом. Вешалка с одиноким пальто, которое она не носила с прошлой зимы. Этажерка с книгами, которые она не читала. Фотография в рамке на тумбочке — они с Димой на море, в Хорватии, кажется, года четыре назад. Она улыбается в камеру, он обнимает её за плечи. Образцовое семейное фото, за которым скрывается только то, что в тот самый вечер они впервые за долгое время крупно поссорились из-за какой-то ерунды, и она проплакала полночи в душе, пока он спал.

При виде этой фотографии к горлу подступил новый комок — смесь обиды, страха и одиночества. Как бы ей сейчас хотелось, чтобы в этой квартире был кто-то ещё. Не обязательно Дима — просто кто-то живой, с кем можно разделить этот кошмар. Кому можно рассказать, не боясь, что тебя поднимут на смех или вызовут санитаров. Но в квартире никого не было. В квартире была только она и её собственное, взбесившееся отражение. И, возможно, что-то ещё, что она пока не могла ни увидеть, ни услышать, но чьё присутствие ощущалось теперь каждой клеточкой кожи.

Она сползла спиной по двери ванной, пока не села на пол. Холодный ламинат неприятно холодил ноги. Анна обхватила колени руками и попыталась восстановить дыхание, которое сбилось на какой-то истерический, поверхностный ритм. «Дыши, — приказала она себе мысленно. — Давай, Аня, дыши. Вдох на четыре счета, задержка, выдох на четыре. Это просто паническая атака. Ты справишься. Ты со всем всегда справлялась». Она сидела так, наверное, минут двадцать, а может и час. Время текло странно, то растягиваясь в резину, то сжимаясь в тугую пружину. За окнами стемнело окончательно. В доме напротив зажглись окна — квадраты оранжевого света, в которых двигались силуэты людей, живущих своей нормальной, правильной жизнью. Кто-то ужинал перед телевизором, кто-то качал ребёнка на руках, кто-то сидел за компьютером, освещённый мертвенным светом монитора. Их зеркала были, наверное, в порядке. Или нет. Может быть, прямо сейчас, в этот самый момент, во всём городе, во всём мире люди точно так же сидят на полу в коридорах и пытаются осознать, что привычный мир только что пошёл трещинами. Эта мысль, призванная утешить («ты не одна»), на самом деле ужаснула её ещё больше. Если это какая-то глобальная аномалия, то мир гораздо более непредсказуем и враждебен, чем ей казалось ещё час назад.

Она заставила себя подняться. Мышцы затекли, колени дрожали. Нужно было что-то делать, как-то действовать, потому что бездействие и ожидание в пустой, молчаливой квартире были невыносимы. Первой мыслью было — позвонить кому-нибудь. Маме? Нет, мама сразу начнёт паниковать, придется расспрашивать, а когда услышит правду, вызовет скорую,

и санитары увезут Анну в психушку, как когда-то увезли тётю Веру. Диме? Эта мысль была ещё более нелепой. Что она ему скажет? «Привет, у меня тут зеркало с ума сошло, можно ты приедешь?». Он решит, что она специально придумала повод, чтобы его вернуть. Или, что ещё хуже, просто не возьмёт трубку. Подруга Ленка? Они не разговаривали толком уже полгода — с тех пор как Ленка родила второго и ушла в декрет с головой. Их общение свелось к обмену открытками в мессенджере по праздникам. Одиночество, которое Анна культивировала в себе месяцами, сознательно отгораживаясь от внешнего мира, теперь обернулось против неё.

Она прошла на кухню и, не включая верхний свет (почему-то полумрак казался сейчас безопаснее, уютнее), открыла шкафчик, где у неё стояла початая бутылка виски. Виски был дешёвый, купленный по случаю каких-то гостей, которые так и не пришли. Она плеснула себе на два пальца в стакан и выпила залпом. Жидкость обожгла горло, но это было приятное, земное ощущение, возвращавшее в реальность. Алкоголь немного притупил острые края паники, превратив её из пронзительного, животного ужаса в глухую, ноющую тревогу, с которой, по крайней мере, можно было существовать.

Она села за кухонный стол, поджав под себя ноги, и попыталась снова, методично и холодно, проанализировать всё произошедшее, как если бы это был отчёт о нештатной ситуации на производстве. Исходные данные: время — около восьми тридцати вечера. Место — ванная комната её собственной квартиры. Предшествующее состояние — сильное переутомление, пропущенный обед, стресс, фоновое одиночество. Событие: её отражение в зеркале продемонстрировало независимое поведение. Характеристики события: задержка движения, осознанное качание головой, написание имени с ошибкой. Вывод: событие не может быть объяснено исключительно физиологическими причинами, такими как усталость или зрительная иллюзия, поскольку содержит элементы, демонстрирующие наличие внешней, независимой воли и доступа к информации, которой не мог бы обладать её собственный мозг в галлюцинаторном состоянии. Конкретно — деталь с ошибкой в имени. Даже если предположить, что у неё случился приступ психоза, психотическое состояние продуцирует образы, исходя из содержимого подсознания. Но содержимое подсознания порождает символы, архетипы, страхи, а не конкретную, бытовую деталь из школьного детства, привязанную к определённому эпизоду. Психоз был бы страшнее, образнее, масштабнее. Это же было какое-то... мелкое, личное, точечное зло.

Существо из зеркала знало её. Звало её «Аной», той самой ненастоящей, ущербной версией, которой она сама боялась стать. И от этого знания, от этой интимной близости врага, веяло куда большим ужасом, чем от любой безличной, демонической угрозы. Демону, явившемуся из преисподней, на неё наплевать. Он хочет её душу, как и любую другую. А этому существу было не наплевать. Оно выбрало её, и в этом выборе проследивалась какая-то извращённая, тёмная избирательность.

Анна машинально потянулась за телефоном и открыла заметки. Ей пришла в голову мысль записать всё в точности, пока воспоминания свежи, как делают следователи при опросе свидетелей. «В 20:35 моё отражение в зеркале повело себя независимо от меня. Оно двигалось с задержкой, а затем написало моё имя с орфографической ошибкой». Она допечатала предложение, перечитала его, и нервный смешок вырвался из её горла. Это звучало как бред сумасшедшего. Если завтра она попадёт под машину, и полиция найдёт в её телефоне эту запись, её смерть спишут на суицид в состоянии острого психоза. И, возможно, они будут не так уж и неправы.

Она провела рукой по волосам, они были всё ещё влажными у корней. Нужно было проверить ещё раз. Просто чтобы удостовериться, что всё прошло. Или, наоборот, чтобы удостовериться, что она действительно сошла с ума, и тогда уже вызывать неотложку. Анна глубоко вздохнула, собирая остатки мужества, и встала. Она пошла по коридору, и каждый шаг давался ей с огромным трудом, словно она шла по колено в воде. Дверь ванной по-прежнему была закрыта. Белая, с чуть вздувшейся снизу от сырости краской. Самая обычная дверь, за которой находилась самая обычная ванная комната. Или... теперь уже нет? Анна положила ладонь на ручку и замерла. Ей вдруг вспомнились все те истории из интернета, с форумов и городских легенд, которые она читала раньше с улыбкой скептика. Зеркальные коридоры, Пиковая Дама, Кровавая Мэри, зазеркалье как портал. Неужели во всём этом была крупица правды? Неужели древние, суеверные страхи человечества, которые принято высмеивать в просвещённом двадцать первом веке, имели под собой реальную основу?

Она нажала на ручку и резко распахнула дверь внутрь. Свет в ванной она не включала, но тусклого коридорного освещения хватало, чтобы разглядеть обстановку. Ничего не изменилось. Зеркало висело над раковиной, всё так же запотевшее по краям, с широкой протёртой полосой посередине. Анна сделала шаг вперёд, потом ещё один. Собственное отражение приблизилось к ней из глубины стекла. Она всмотрелась в его лицо. Испуганная, бледная женщина с красными пятнами на щеках и сосудистой сеткой в глазах от лопнувших капилляров. Анна подняла правую руку — отражение подняло руку. Без задержки, синхронно, как положено отражению. Она помахала пальцами — двойник повторил жест в точности. Она сделала шаг в сторону — отражение исчезло из поля зрения, появилось снова. Обыкновенное зеркало. Анна облегчённо выдохнула. «Ну вот, видишь, — сказала она себе, и голос в голове звучал почти нормально. — Это был какой-то единичный сбой. Переутомление, игра света, может, магнитная буря. Да что угодно. Главное, что это прошло». Она уже почти убедила себя в этом, почти позволила панике утихнуть и мышцам расслабиться, когда её взгляд случайно скользнул вниз, в правый нижний угол зеркала.

Там, на запотевшей кромке, которую она не протирала, виднелась едва заметная полоса. След. Словно кто-то провёл подушечкой пальца по стеклу. С той стороны. Анна медленно, не дыша, наклонилась, чтобы рассмотреть лучше. Да, это был след. Сомнений быть не могло. Чёткий, недвусмысленный отпечаток, линии которого складывались в узор, идентичный отпечатку человеческого пальца. И вёл он от того места, где была надпись, в сторону, за пределы протёртой области, в мутную неизвестность непотревоженного конденсата. Словно существо, написав своё послание и стерев его, провело пальцем дальше, оставив за собой этот последний, небрежный штрих — росчерк пера. Или, что было бы более точным, метку. Животные метят территорию.

Анна, не помня себя, схватила с крючка первое попавшееся полотенце и накинула его на зеркало, закрыв отражающую поверхность целиком. Махровая ткань набухла от влаги, но дело было сделано. Теперь из зеркала на неё не смотрело ничего. Она попятилась к двери, не сводя глаз с занавешенного зеркала, словно полотенце могло в любой момент слететь. Выскочив из ванной, она захлопнула дверь и, подумав секунду, придвинула к ней деревянный стул из прихожей, уперев спинку под ручку. Глупо, по-детски, смешотворно. Но ей было всё равно. Ей нужно было предпринять хоть что-то, чтобы вернуть себе ощущение контроля над ситуацией, даже если это был контроль иллюзорный, нарисованный на картоне.

Она вернулась в гостиную и включила везде свет. Люстру, бра, торшер, даже гирлянду на окне, которую не включала с Нового года и которая теперь подмигивала ей разноцветными

огоньками, создавая сюрреалистичный, почти карнавальным полумрак посреди этого кошмара. Она задёрнула шторы поплотнее, хотя жила на восьмом этаже, и смотреть на неё снаружи было некому, кроме, разве что, голубей. Затем она проверила замок на входной двери — заперто. Окна — закрыты. Она забралась с ногами на диван, закуталась в плед, словно кокон, и поставила рядом с собой телефон, готовый в любой момент набрать службу спасения. Только вот какую именно? Полицию? Пожарных? Скорую психиатрическую? В списке экстренных служб не было номера для звонков о взбунтовавшихся отражениях.

Тишина в квартире изменилась. Анна чувствовала это с той обострённой, почти звериной чувствительностью, которая приходит на смену рациональному мышлению, когда человек сталкивается с необъяснимым. Раньше тишина была пустой, мёртвой. Теперь она была наполненной, бдительной. Это была тишина затаившегося дыхания. Тишина ожидания. Анна понимала, что не уснёт. Да и не хотела спать. Она хотела бодрствовать, быть начеку, как солдат в карауле. Потому что где-то глубоко внутри, на том уровне подсознания, который редко ошибается в таких вопросах, она знала: то, что произошло сегодня в ванной, — это только начало. Первая нота в долгой, пугающей симфонии. Существо за стеклом смотрело на неё с обещанием во взгляде, и это обещание будет выполнено. Не сегодня, так завтра. Не завтра, так через неделю. Оно терпеливо. У него впереди целая вечность. А у неё — только одна, конечная, человеческая жизнь, которая теперь, кажется, станет намного короче и намного страшнее, чем она могла себе представить.

Она не заметила, как задремала уже под утро, когда небо за окном начало сереть, а первые птицы завели свою робкую, предрассветную переключку. Сон был поверхностным, тревожным, лихорадочным. Ей снился бесконечный, уходящий в темноту коридор, по обеим сторонам которого висели зеркала — сотни, тысячи зеркал в тяжёлых рамах. В каждом из них отражалась она сама, но каждое отражение жило своей собственной, независимой жизнью. Одно смеялось, откинув голову назад, другое плакало, спрятав лицо в ладонях, третье ело, не отрывая взгляда от тарелки, четвёртое красило губы алой помадой, пятое неподвижно стояло, уставившись в пустоту остекленевшими глазами закоренелого безумца. И ни одно из них не смотрело на неё. А в конце этого бесконечного коридора стояло то самое зеркало из её ванной, и за его запотевшим стеклом угадывался тёмный силуэт. Он ждал. И она шла к нему, не в силах свернуть, не в силах остановиться. Силуэт поднял руку и начал выводить на стекле буквы — одну за другой, снова и снова, как заклинание, как мантру: «Ана», «Ана», «Ана».

Она проснулась от собственного крика, резко сев на диване. За окнами занимался серый, пасмурный рассвет, обещавший такой же душный и безрадостный день. В ушах ещё звучал шёпот из сна. Анна посидела немного, приходя в себя и чувствуя, как бешено колотится сердце. Утро не принесло облегчения, только тупую, свинцовую усталость и липкий, неуходящий страх. Она встала, скинула плед, расправила затёкшие плечи. В гостиной всё ещё горели все лампы, включая новогоднюю гирлянду, и это зрелище — праздничной иллюминации посреди августовского утра — показалось ей финальным, абсурдным штрихом ко всему произошедшему. Она выключила гирлянду, потом бра, потом люстру. В комнате стало буднично, серо, нормально.

Она подошла к маленькому круглому зеркалу в прихожей, тому, что висело над тумбочкой для ключей и почты. Задержав дыхание, Анна заставила себя посмотреть в него. Отражение было нормальным. Измученная, невыспавшаяся женщина с тёмными кругами под глазами и припухшими веками. Никаких задержек, никаких чужих взглядов. Она выдохнула, но облегчение было неполным. Словно за то короткое время, пока она спала, её сознание перестроилось

и приняло новую данность: ни одно зеркало в этом мире больше не является просто зеркалом. Каждое из них — дверь. И она не знала, в какую из этих дверей постучат в следующий раз.

Прежде чем уйти на работу, она сняла с вешалки ещё одно полотенце и, поколебавшись секунду, набросила его на зеркало в прихожей. Зеркало в ванной уже было занавешено. Оставалось зеркало в спальне, на дверце шкафа-купе. Она пошла в спальню и накрыла его пледом, подоткнув края, чтобы не спадал. Квартира приобрела странный, траурный вид — все отражающие поверхности были задрапированы, как в доме, где лежит покойник. В каком-то смысле так оно и было. Превжняя жизнь Анны Соболевой, тридцатичетырёхлетнего юриста, разведённой женщины, умерла прошлым вечером в ванной. И на её место пришла новая, полная ужаса и неизвестности жизнь, в которой отражения жили своей, отдельной волей. Она закрыла входную дверь, дважды проверила замок и спустилась вниз по лестнице. Нужно было ехать на работу. Нужно было делать вид, что всё в порядке. Нужно было жить дальше. Только вот теперь, проходя мимо любой витрины, любого окна, любой хромированной поверхности кофемашины, она будет вздрагивать и отводить взгляд. Потому что она больше не знала наверняка, кто смотрит на неё с той стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.